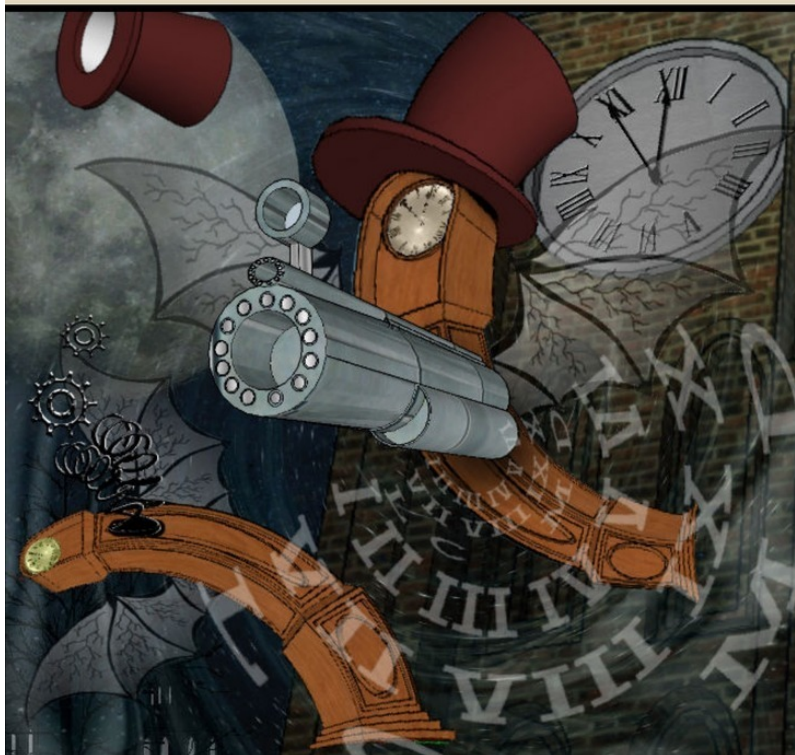

МАРИЯ ФОМАЛЬГАУТ

Квартет квазаров

Мария Фомальгаут

Квартет квазаров

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28745629

ISBN 9785449024817

Аннотация

Летят большие совы, На небе нарисованные, Над городом
несутся во весь дух, Летят большие совы, Крылатые, часовые,
Распугивая полночь гулким – у-у-ух. Летят большие совы,
По облакам рассованы, Над городом разбрасывая пух, Крылатые,
часовые, И гуканьем басовым Пустоты ночи оглашают – у-ух.

Содержание

Бархатный бас и скрипучая скрипка	6
Крылья	8
Тысяча лет	10
Ваше Ночество	12
Шахматный шах	15
Стопа листопада	17
По любви	19
Самая Сумь	22
Потерянные сны	24
С первооснов	26
Костры, а не мосты	29
Звенят цикады скрипками	31
Заброшенные миры	33
Трибар	35
Нет рассвета	37
Учиться быть	39
Были звезды...	42
Волнительный волнистый попугайчик	44
Зимовала зима	46
Мраморный мрак	48
Командующий комар	50
Мечтать мечту	53
Луна, рассказанная вкратце	54

Шляпа что-то замышляпа	57
Гнезда	59
Фонарь	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Квартет квазаров

Мария Фомальгаут

Иллюстратор Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2018

© Мария Фомальгаут, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-2481-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бархатный бас и скрипучая скрипка

Пляшет луна золотистой рыбкой,
Лунные блики лежат на крыльце —
Бархатный бас и скрипучая скрипка
Ночью играли веселый концерт

Звезды читали скрытые скрипты,
Скрипты, что месяц оставил немой:
Бархатный бас и скрипучая скрипка
Ночью плясали на крышах домов.

Блики луны сновиденья ваяли,
Нежно плясали на званых балах:
Рядышком с ними роились рояли
Шатко и валко валторна плыла.

В залах, где тени колышутся зыбко,
Трудно и трубно трубила труба:
Бархатный бас и скрипучая скрипка
Знали, что вместе им быть не судьба.

Странные стражники зорки и прытки,

Ходит под аркою армия арф:
Бархатный бас и скрипучая скрипка
Вместе закутались в клетчатый шарф.

В город пришли золотые туманы,
Замерли улицы, будто во сне:
Голосом пьяным поёт фортепьяно,
Громко в любви признаваясь луне.

Крылья

А я не знал, что мечта моя станет былью,
Ко мне явился всемогущий великий Бог,
Он дал мне крылья, большие белые крылья
И дал мне путь – на тысячу сто дорог.

И мне пути галактические открылись,
Звала, манила в неведомое звезда,
И были крылья, большие белые крылья,
Они рвались в неземную светлую даль.

И был в горах зимний ветер – жестокий, сильный,
И я поднялся на гору, как на порог,
Расправить крылья, большие белые крылья
И улететь на тысячу сто дорог.

Где Млечный Путь дороги звездные мылил,
Манили крылья на сто путей без границ,
Но я не верил серебряным белым крыльям,
Но не взлететь я боялся, упасть – вниз.

И я ходил по земле, по дорогам пыльным,
Я – осторожный, такой пугливый и злой,
И волочились большие белые крылья

Давно измятые и обесцвеченные землей.

И были деньги, и карьеры и бизнесы были,
Среди людей приземленный суетный путь,
И спрятал я большие белые крылья,
Чтобы взлететь на них ну когда-нибудь.

И на закате дней – худой и бессильный,
Хотел вернуться я в небесный простор,
Но потерял большие белые крылья
В автомобилях, в суматохах дней и контор.

И я сижу в тяжелом автомобиле,
И я ищу Его – в хороводе дорог,
Быть может, даст большие белые крылья,
И унесет меня отсюда великий бог.

Но поливают трассу дожди обильные,
И горизонт застилает студеной снег
И дарит крылья, большие белые крылья
Великий Бог кому-то – только не мне.

Тысяча лет

Бархатный трон в белоснежном чертоге,
Герб, как червонная масть,
Дали тебе белокрылые боги
С неба накоротко власть,
Горькой ошибкой дана человеку,
Пылкой душе из огня
На переходе безумного века
Три непродуманных дня.

Тысяча лет —

Ради трех дней беспокойного счастья,

Тысяча лет —

Ради великой и горестной власти,

Тысяча лет —

Ради трех дней, за которые можно отдать все года на земле,

Тысяча лет —

Ради того, что казалось так близко,

Тысяча лет —

Ради трех дней, пролетевших, как выстрел,

Тысяча лет —

И опять наказание на тысячу лет.

В блеске свечей и фарфоровом свете
Сердце несут к облакам
Синие очи единственной леди,
Найденной через века,
На поворотах истории грубой,
На перекрестках миров
В полночь с губами сливаются губы,
С кровью сливается кровь.

Разных столетий и разных обличий
Ты проходил череду,
Был уничтожен и был возвеличен
И на земле и в аду,
Знал ли ты сам, что получишь однажды
Светлый монарха наряд,
То, чего так безнадежно ты жаждал
Несколько жизней подряд?

Время народу за палицы взяться,
Вражье сомкнулось кольцо —
Что ты надеешься к морю прорваться,
Мантией прячешь лицо,
Что ты ладони на скипетре держишь,
Властью своей опьянен?
Завтра ты будешь жестоко повержен,
А послезавтра – казнен.

Ваше Ночество

Ночь безлунная,
Ночь безумная
Вдаль идет,
А вокруг они,
Звездные огни
В хоровод.

И твердят они,
Звездные огни
По кольцу:
Ваше Ночество,
Одиночество
Вам к лицу.

Ночь угрюмая
Думу думает
Там и здесь:
Где-то, говорят,
Всем рассветам рад
Белый день.

Но твердят они,
Звездные огни

По кольцу:
Ваше Ночество,
Одиночество
Вам к лицу.

Грезит впопыхах:
Будет полыхать
И гореть
Зверем раненным
Утро раннее
На горе.

Но твердят они,
Звездные огни
По кольцу:
Ваше Ночество,
Одиночество
Вам к лицу.

Сладкой вечностью,
Тихим вечером
Под дождем
К теплым печкам он,
К ярким свечкам он —
Сон придет.

Но твердят они,
Звездные огни
По кольцу:
Ваше Ночество,
Одиночество
Вам к лицу.

Шахматный шах

Чарующим взором чащобы прошаривает,
Печатает шаг, шаг, шаг.
Со шпилькою-шпагою шатко вышагивает
Мой шахматный шах, шах, шах.

Он щедро одарен и шиком, и шармами,
Дрожит шантрапа, замирает душа,
Он в шелковой шапке по шалманам шаркает,
Мой шахматный шах, шах, шах.

За шелковой шторой шпионские шорохи
Он слышит – шух-шух – заговорщикам крах,
Он, шкварки жующий на жареном шомполе,
Мой шахматный шах, шах, шах.

Шарманки играют тягучие, воющие,
И снова спешит – замирает душа —
Он к жарким и жадным сраженьням-побоищам
Мой шахматный шах, шах, шах.

И шпаги, и шомпола жесткое жжение
Познает на шее, кровищей дыша,
И жалко падет в кровожадном сражении

Мой шахматный шах, шах, шах.

Забудут Швейцария, Швеция, Швабия,
Шампань, Шамбери и земной целый шар,
Как шастал нешатко с чарующим знаменем
Мой шахматный шах, шах, шах.

И шелковым шепотом листья осенние
Шарлаховой шалью улягутся в прах
На шаткий шатер, под чьей шелковой сенью
Пал шахматный шах, шах, шах.

Стопа листопада

Рассветам не рада
Летящая осень не рада,
Но крыльями листьев укрыта лесная тропа:
Стопа листопада,
Ступает стопа листопада:
Ступает и стынет в степи листопада стопа.

А может, не надо
Кричим мы – а может, не надо
Метели-летели, и выюга, тупа и глупа?
...Стопа листопада,
Ступает стопа листопада:
Ступает и стынет в степи листопада стопа.

Не рая ограда
Во тьме – но еще и не ада,
И солнцу пора небосводы луне уступать —
Стопа листопада,
Ступает стопа листопада:
Ступает и стынет в степи листопада стопа.

Часовни громада
Осталась от славного града,

Темнеют руины, и компаса стрелка слепа:
Стопа листопада,
Ступает стопа листопада:
Ступает и стынет в степи листопада стопа.

Осталась бравада
От лета – пустая бравада,
И капельки света в последних пузатых снопах:
Стопа листопада,
Ступает стопа листопада:
Ступает и стынет в степи листопада стопа.

По любви

Сколько будет в жизни нечетов и четов:
Жизнь такая непростая – се ля ви:
Не ходите замуж, девки, по расчету,
А ходите замуж, девки, по любви.
Говорила мне знакомая гадалка,
Нагадала мне на картах, на крови,
Что мне доли, доли девичьей не жалко:
За шамана выйду замуж по любви.

По любви, любви
Клялась на крови, крови,
И теперь снега и выюга мне стелют постель,
До зари, зари
Мне шепчет «Умри, умри»
За окном метель – а я не слышу метель.

Заезжал он как-то вечером в Самару,
А наутро ухлестал за семь морей,
Говорили мне, что он тебе не пара,
И что север не для южных дочерей.
Говорили, только я не стала слушать,
Разбитная непоседа-егоза,
Как случилось так, что мне запали в душу

Эти черные, раскосые глаза?

Сколь денечков тосковала, сколько ночек,
Каково в Самаре стало мне одной?
Все соседи говорят, что мой дружок
Нашаманил, видно, что-то надо мной.
«Не раскусишь ты шаманову загадку» —
Я себе самой сказала – «так и знай»,
И пустилась по Сибири без оглядки
За короткой телеграммной «Приезжай»

И с тех пор вокруг дороги запетляли
Сосны темные, да алый бересклет,
Солнце белое, да звезды над полями,
Да за нартами полозьев белый след,
Ничего, что на морозе зябнут губы,
Ничего, что ночь длинна и путь далек:
Дома шкурок зверя белого на шубу
Сколько хочешь, мне подарит муженек.

Расступаются серебряные глыбы
Льда высокого, а с ними и печаль,
И с корзинами в руках копченой рыбы
Все селение пойдет меня встречать,
В тундре белой я укроюсь за туманом,
Под созвездием Медведицы и Рыб,

И под песню заунывную шамана
Буду слушать параллельные миры.

Самая Сумь

По реке в незримые дали
Горизонта коснусь – и далее
Тянет нас с тобою, милая, хоть зарежь:
Там закат величав и грустен,
Там живут Хрустальные Гуси,
Там далекий и загадочный город Реж:
Обещают все километры,
Что дождя и попутного ветра
И туманов хватит нам на все вечера,
И в закат, величав и грустен
Над рекою кричали гуси
Мол, Сибири привет, и мол, Уралу – ура

Месяц в небе – извитый рог,
За порогом встает порог,
Не позабыть, не разлюбить, не обмануть,
И на то, что забыть нельзя,
Тускло смотрят твои глаза
В самую синь, в самую Сумь, в самую суть

Как сирени белые гроздья,
На поля осыпались звезды,
Тьму ночную свежий ветер к западу нес,

Позолоченный лунным светом,
Дождь шумит и качает с веток,
Вдалеке на горизонте мерцает плес
По дорогам тын да туманы,
Вдоль дороги Тында, Самара,
Комсомольск-на Амуре, южный пустынный Тай,
Едем дальше —и на востоке
Замерцает огнями Токио
Узкоглазый и желтый встанет за ним Китай

Год за годом встречая весны,
На камнях раскинулись сосны,
Берега одеты в самый крутой гранит,
Дождик капает между строчек
Догорающий костерочек
Нашу память с тобою ревностно сохранит.

Потерянные сны

По каменным кварталам гулким,
Где ночь и звезды не видны,
Хожу по темным переулкам,
Ищу увиденные сны.

Без чемоданов, налегке,
Упорно тротуары тру,
Ищу – увиденные кем-то
И брошенные поутру.

В неясной, сумрачной тоске,
Чего-то тайного полны,
Ищу – потерянные кем-то
Неполюбившиеся сны.

Сны – и хрустальные, и каменные,
Податливые, как вода,
Сны про сверкающие замки
И вымершие города.

Лежат – на бросивших в обиде,
Лежат – прозрачные, как дым,
Сны – о мирах, никем не видимых

И сны про райские сады.

Отснятые и отрассказанные,
Про мир неведомый, про нас,
Я прячу бережно за пазуху
Чужих видений диссонанс

С первооснов

Неосторожно, рьяно, непугливо
Без лишних слов
Мы начинаем от большого взрыва,
С первооснов.

Неосторожно, рьяно и строптиво
В полночный час
Мы начинаем от большого взрыва
В который раз.

Мы снова разоденемся как франты
На это шоу:
Шампанское, бокалы и куранты
И взрыв большой.

Теперь у нас всё по-другому будет
Без войн и зла:
Другие, благороднейшие люди
И их дела.

Без злобы, без предательства, позора
Мир лёгок, прост:
И новые немислимые зори

В долинах звезд.

На смертный бой не пустит старый герцог
Большой фрегат
И не пронзит доверчивое сердце
Клинок врага.

У нас всё будет свято и красиво,
Прямей тропа...
...но мчатся годы от большого взрыва,
И всё опять.

Грохочут грозы, рьяно, недовольно,
Мир изо льда,
Безумствуют очередные войны,
Всё как всегда.

Гремит война от Риги до Ростова,
Земля пьет кровь,
Опять мужей оплакивают вдовы
Под плач сирот.

С упорством траурным и неизменным
Мы всей толпой
Захлопываем сызнава вселенную
В большой хлопок.

Планеты неудобные теряем
Так, без прикрас.
Всемирные потопаы насылаем
В который раз.

И снова – аккуратно и красиво
Вздохнув на миг
Опять огромным всевселенским взрывом
Откроем мир

Прощаемся мы с космосом немилым,
Что отдан злу
И пьем вино за здравье новомирья
И новых лун

Теперь-то точно всё иначе будет
Без тьмы и зла,
И новые, сердечнейшие люди
И их дела.

Костры, а не мосты

И снова беспощадный кто-то
Все плевелы – не звезды сеет,
Нас гонит, гонит по болотам,
А не широкими шоссе.

А я хотел – серьезно, глупо
С судьбою не на вы, на ты,
Идти по звездам – не по трупам,
И жечь костры, а не мосты.

А я хотел увидеть – вне
Не потолок тяжелый склепа,
А звезды ледяного неба
Над головою в вышине.

Но счастье обернулось прозой,
И снова заставляет жизнь
Идти по трупам – не по звездам,
Точить не рифмы, а ножи.

И снова нужно – хоть ты тресни
Среди непрожитой зимы
Петь не залиvistые песни,

А погребальные псалмы.

А я хотел, чтоб беззаботно
В хитросплетении миров
Идти дорогой – не болотом
И проливать вино – не кровь.

А я хотел свирелью нежной
Сменить жестокие слова,
Ступать на гальки на прибрежные,
А не идти по головам.

Но кто-то блюл одну заботу:
Гнать по тропинкам без концов,
И этот беспощадный кто-то
Мне не показывал лицо,

Не понимал – упорно, глупо,
Как я хочу – предел мечты
Идти по звездам – не по трупам
И жечь костры – а не мосты.

Звонят цикады скрипками

Звонят цикады скрипками, скрипками,
Поют свои печали луне,
Земля такая зыбкая, зыбкая,
А может быть, земли вовсе нет.

И может, где-то вспомнится, вспомнится,
Что подо мной одна пустота,
Она такая темная, темная,
Ни света в темноте, ни черта,

Несутся тени конные, конные
По кругу вперемешку с дождем,
Тропа такая тонкая, тонкая,
И знаю – никуда не ведет.

А на фронтоне башенки, башенки,
Упала в их окошки луна,
И тени очень страшные, страшные
Размахивают крыльями над.

И тёмные посланники-всадники
Твердят про апокалипсис быль,
И стоптанные задники, задники

Ложатся на каминную пыль.

Кому-то судьбы горькие вверены?
Знал вечер, но молчал, умудрен,
Тот вечер – как последний, отмеренный
С момента сотворенья времен,

Играют руки белые чётками,
О чем-то так беззвучно поя,
И падают костяшками чёткими
Последние часы бытия.

А что-то будет за полночь, за полночь,
Какой-то новый мир у ворот,
Как только ветер западный, западный,
Развеет все – и пыль унесет?

Заброшенные миры

Заброшенные миры, потерянные богами,
Нехоженые людьми, непрожитые никем,
Где осыпался обрыв нечаянный под ногами,
Где умирали огни последние вдалеке.

И вместо солнца с небес мерцает огонь убогий,
Застывший в своем круженье в бархатной синеве,
Не смеющий посмотреть в глаза жестокого бога,
Который мир сотворил – и бросил его навек.

Без весел и парусов бог от вселенной отчалил,
Без весел и парусов пространство покинул бог,
Пьянящая пустота, торжественное молчание
Окаменевших деревьев, опустевших дорог.

Мы замираем в долине, когда проезжаем мимо,
И мы вспоминаем снова – не вспомнить, увы, нельзя —
Где пал в неравном бою наш бог – повелитель мира,
И где закрылись его всевидящие глаза.

И замер прохожий люд на чистое небо глядя,
Не верит, что больше нет над головою творца,
И кажется – он сейчас вернется и снова сядет

За свой вселенский штурвал десятого образца.

И мертвый холод зимы сковал недолгое лето,
Где каждый случайный шаг срывается вмиг в обрыв,
И ждет летящая ночь дневного яркого света,
И жаждут своих богов брошенные миры.

Трибар

И осень седая проклюнулась,
И солнышку быть не судьба,
И по вечерам в полнолуние
В три бара заходит трибар.

В сияющем зале показывается
Среди подуставших зевак,
Он виски и бренди заказывает
И старый французский коньяк.

Но спорят нетрезвые жители,
Пустив изо рта винный пар,
Что в мире не может сложиться
Фигуры такой, как трибар.

Учёный со значимым именем
Твердит из-за кубиков льда:
Трибары давным-давно вымерли,
И не было их никогда.

И пьяницы спорят отчаянно
До крика – в трибары не верь!
Трибар пожимает плечами:

Ну не было – что же теперь?

И капли дождливые гроздьями
Ложатся на пасмурный бар:
В дождливую осень промозглую
Из баров уходит трибар.

Со всеми углами и катетами
Мелькает в витрин зеркалах...
Три бара мерцающих катятся
На острых трибара углах.

И капельки улицы клюнули,
И осень укрыла бульвар —
В дождливую ночь-полнолуние
Три бара уносит трибар...

Нет рассвета

Одинокие, дальние, поздние
Вереницы далеких планет
Под погасшими мертвыми звездами
Ждут рассвета – которого нет.

Их народы под небом под пасмурным
Терпят сумерки и холода
И не знают, что звезды погасли
Навсегда, навсегда, навсегда

Но не видно проблеска светлого
На холодной промерзшей земле,
Время долгое, предрассветное
Тянет-тянется тысячу лет.

Непокорные и некроткие
На истерику, на разрыв
Люди ждут, когда солнце воротится,
Путеводные жгут костры

И уверенно, и упрямо
Освещают свои миры,
Люди молятся в белых храмах,

Солнцу светлому жгут костры.

Но опять вечера морозные
И опять – снега и печали,
И погасшие черные звезды
Смотрят в пустоту и молчат.

Не глазами – глазницами черными
Озирают ночную тьму
И не слышат молитвы упорные
От замерзших планет – никому.

Но уверенно и упрямо
Обитатели мертвых планет
Богу молятся в белых храмах,
Ждут рассвета, которого нет.

УЧИТЬСЯ БЫТЬ

Мы зерна-плевелы бросаем гроздьями,
И под сугробами не ждем весны,
Нам надо научиться видеть звезды,
И снова научиться видеть сны,

Не слышим песни за холодной вьюгой,
Не видим солнца за стеной дождя, —
Нам надо вспомнить, как же друг на друга
Смотрели мы, глаза не отводя.

Осталось нам, поломанным эпохой
Повспоминать о звездах и мирах,
И по осколкам, по крупичам, крохам,
Растерзанные души собирать.

И не моргая посмотреть на радугу,
Уйти в поля, где белые рассветы,
И просыпаясь поутру без страха,
Отдернуть шторы на слепящий свет.

Нам надо – после вековой бессонницы
Учиться – не бояться вещих снов
Учиться заново смотреть на солнце,

Как наши предки с крыльями – давно.

Учиться БЫТЬ – ведь никогда мы не были,
Впервые жить – за миллионы лет,
Касаться заново большого неба
И вспоминать его лазурный блеск

Нам надо снова научиться радоваться,
И оборачиваться – хоть иногда,
И в зеркало неоспоримой правды
Смотреть себя – без страха и стыда,

Мы учимся ходить не под дождем,
Не по туманам, где царит тоска...
Как долго и настойчиво придется
Учиться голову не опускать!

И не ходить, оковами звеня,
И зерна по пустыне не развеять,
И научиться не бросать камнями
В большое солнце, что идет в рассвет.

И золото не загребать горстями,
Что на рассвете обратится в пыль,
И ангелов с нелегкими вестями
Не жечь на площади под рев толпы.

Не прятаться – ни в трюме, ни в тюрьме,
Вернуться – не к островам, а к основам,
И научиться верить переменам,
И не бояться вечных, вещей снов.

Были звезды...

Смотрим в черную мглу морозную,
Смотрим в небо – который раз,
И большие белые звезды
С удивлением смотрят на нас

Сотрясаем войнами грозными
Мир-планету, топим в крови,
И глядят далекие звезды
Без презрения, без любви

Снова строим какие-то козни,
Снова заговоры плетем,
И не смотрим на белые звезды,
Как положено – чуда не ждем

Деньги перебираем гроздьями,
Как единственное святое,
И в большие белые звезды
Не поднимется уж никто

Разойдемся – праздно и поздно,
Никому уже не нужны...
А большие белые звезды

Так же смотрят из вышины

И когда вот так неосознанно
Сыру-землю спалит война,
Все большие белые звезды
Будут так же смотреть на нас

Будет пепел и мгла морозная,
Погребального ветра трель,
И большие белые звезды
На руины будут смотреть,

И проклянется кто-то простенький
Через пепел и через тьму,
И большие белые звезды
Те – в глаза поглядят ему,

Кто-то будет расти, строить козни,
Строить замки и жечь мосты,
И большие белые звезды
Будут так же глядеть с высоты.

Волнительный волнистый попугайчик

Волна за что-то берега ругает,
И полночь одинокая глядит:
Волнительный волнистый попугайчик
Волнительно на веточке сидит.

Немного непонятного пугаясь
И прячась от опасностей в кустах,
Волнительный волнистый попугайчик
Волнуется о гнездах и цветах.

Земля не укрывается снегами,
Но все равно – без боя и побед
Волнительный волнистый попугайчик
Волнуется о жизни и судьбе.

Кораблик маленький по морю скачет,
И парусина ветерком полна:
Волнительный волнистый попугайчик
Взволнованно гуляет по волнам.

О прошлом, о потерянном не плача

Одoleвая потаённый страх,
Волнительный волнистый попугайчик
Волнуется о звездах и мирах.

Зимовала зима

Большими снегами укрылись дома
И было сугробов немало:
В далеких краях зимовала зима,
В далеких краях зимовала.

Когда навалилась снегов кутерьма,
Укутала город бесшумно,
Озябла, озябла, озябла зима,
Закуталась в лёгкую шубку

Была не была, заявила, эх-ма —
Сплела неумело корзинку,
Неспешно собрала пожитки зима,
Отправилась вдаль по тропинке.

Далёкие страны сводили с ума,
И волны на берег упали:
На первом рассвете примчалась зима
Туда, где колышутся пальмы.

Но солнце сменила колючая тьма
Снежинки сугробами стелют:
Увы – принесла за собою зима

Морозы и злые метели.

В Сахару она улетела сама
Мечтая о солнце и неге:
И снова, дрожа, замерзала зима,
Босыми ногами по снегу

Не вышло на солнечном юге дремать.
Терзая и крылья, и жилы,
В каких бы краях ни осталась зима,
Там ждал её холод снежинок.

Она к очагу прихромала, хрома,
Устроилась между делами —
Но только присела погреться зима,
Застыло горячее пламя

Суровую карму вовек не сломать,
Такая судьба почему-то:
И денно и ночью летает зима
И ищет тепла и уюта.

Мраморный мрак

В коварных мирах,
В кровавых, коварных мирах
По кратерам прячусь среди небылиц-околесиц:
Я – мраморный мрак,
Я мраморный, мраморный мрак,
Крадущийся по мракобесию мраморных лестниц.

Ползу в буерак,
Скольжу неприметно в овраг
По кущам, по пущам, по рощам, по спящим по чащам:
Я – мраморный мрак,
Я мраморный, мраморный мрак,
Священную память о прошлом ревниво хранящий:

О крайних мирах
О крайних-бескрайних мирах
Я рад рассказать бы – да некому. В морочный холод
Я – мраморный мрак,
Я мраморный, мраморный мрак,
Подкрадываюсь – непонятен, невидим, немолод.

Я пережил крах,
Однажды рассыпался в прах,

Из праха восстал и прошел череду воплощений.
Я – мраморный мрак,
Я мраморный, мраморный мрак,
Что не испытал в самосушность свою посвященья.

У траурных врат
Небравурных траурных врат
Порой осторожно на краткий на миг замираю
Я – мраморный мрак,
Я мраморный, мраморный мрак,
Всегда обреченно не знающий, что там за краем.

Командующий комар

Наводит ужас, несёт кошмар
Кульбитами, номерами:
Летит командующий Комар,
Командует комарами.

Своих врагов он сведёт с ума,
Беснуясь, как на пожаре:
Летит командующий Комар,
Противника больно жалит.

Травы пожухшая кутерьма
Шуршит. И с протяжным ноем
Летит командующий Комар,
Звенит в предзакатном зное.

Вдали подкрадывается зима,
Но этого он не знает:
Летит командующий Комар,
Несёт боевое знамя.

Не испугает и смерть сама
Бесстрашного полководца:
Главкомандующий Комар,

Вмиг от врага увернётся.

Но ляжет белый снег на дома
И разберется по-свойски:
Умрёт командующий Комар,
Со всем комариным войском.

И на победы надежды нет,
И город великий вымер,
И скоро в первый холодный снег
Падёт комариный вымпел.

Аллеи алые тополей
Расскажут – лето убито
И мир забудет всех королей,
Ведущих войска на битвы.

На город опускается тьма,
Зима холодная, злая —
Про то командующий Комар
Не ведает и не знает.

Нахлынет снежная кутерьма,
Застынет при всём параде
Главкомандующий Комар,
Приставленный к Госнаграде.

С зимой и холодами на Вы
Укрывшись в старом ботинке,
Застынет городок из травы
И замок из паутинки.

Сто королевств и империй тьма
Разрушены – но не знает
О том командующий Комар,
Над войском своим летая.

Не для него возродится март,
И будет там вечерами
Другой командующий Комар
Командовать комарами.

Но вновь несется, как на пожар,
В короткой своей истории
Главкомандующий Комар
Трубит вечернюю зорю.

Мечтать мечту

Сызнова встанет страна на страну,
Сызнова жертв не сочтут.
Кто-то идет воевать войну,
А кто-то – мечтать мечту.

Снова от выстрелов не уснуть,
Но через столетия вновь
Кто-то идет воевать войну,
А кто-то – любить любовь.

Кости-руины глядят на луну,
И снова через года
Кто-то идет воевать войну,
А кто – городить города.

Луна, рассказанная вкратце

Луна рассказывает вкратце,
Как никнут белые цветы —
Как важно к очагу добраться
До наступленья темноты.

Успеем в двери постучаться,
Где в очаге хрустят дрова
В тот час, когда стемнеет в чаше
И трижды прокричит сова.

В лесу чужом и незнакомом
Не знаю я, не знаешь ты,
Успеем ли добраться к дому
До наступленья темноты.

Ни огонька не видно рядом,
Не видно света из окна,
И смотрит равнодушным взглядом
На нас огромная луна.

А лес все гуще, лес все чаще
Луны глотает робкий свет
И кажется, что кроме чащи

И ничего на свете нет.

А лес, туманами опоен,
Всё говорит о чудесах,
И дальше узкою тропею
Ведут совиные леса.

Никто не верит, если честно,
И сам я верую с трудом,
Что где-то на опушке леса
Стоит уютный, теплый дом.

Где сладко пахнет пирогами,
Твоя рука в моей руке,
И кто-то ждет и зажигает
Огонь в камине-очаге,

И плюшевые пледы стелет,
Где свечи в комнатах дрожат,
И белоснежные постели
Взобьет на верхних этажах.

Мне ничего не нужно, кроме
Старинной книги под дождем,
Пророчества о теплом доме,
Что путников ночами ждет.

Нам лес грозит неравным боем,
Надежды прогоняет прочь,
И может быть, и нас с тобою
Проглотит нынешняя ночь

Седой туман о сосны трется,
Дороги темны и пусты,
Но верю – кто-то доберется
До наступленья темноты.

Шляпа что-то замышляпа

Сентябрями дождик капал
В час луны и в час совы:
Шляпа что-то замышляпа
И сорвалась с головы.

И, недолго размышляпа,
Вдоль по ветру – раз-два-три —
Полетела эта шляпа,
Огибая фонари.

Фонари офонарели,
Серой осенью простыв:
Что ты, шляпа, в самом деле,
Потеряла всякий стыд?

И велят составить рапорт,
Розыскных пустить собак,
Хорошо отшлёпать шляпу,
Шлёпу хорошо отшляпить,
Что прошляпила себя.

Лучше бы домой пошла бы,
Не пугала высший свет:

Но не хочет слушать шляпа,
Но не хочет слуша шляпить,
У луны на голове.

Где-то шлялась эта шляпа,
Но под утро невзначай
На своих на тонких лапах
Замышляпа, размышляпа,
И домой к себе пришляпа,
И пила горячий чай.

Гнезда

С далеких звезд на землю большую падаем,
Большие птицы – светлые песни поя,
И вьем мы гнезда и трепетно-трепетно радуемся
Уютным гнездам в безмятежных краях.

А я не радуюсь, перышки-брови хмуря,
А я все думаю, какие тучи-ветра,
Какие вьюги, какие снега и бури
Мое гнездо развеют в пепел и прах.

Переплетенье веток украсим звездами,
Большие окна занавесим слегка,
И свято верим, что малые наши гнезда
В уютных рощах будут шуметь века.

А я не радуюсь – другим временам открытым,
Меня терзает беспощадный вопрос,
Какие бури, какие метеориты
Оставят щепки и осколки от наших гнезд.

А мы ликуем, к ветрам и тревогам глухи,
Два кресла в комнату и люстру на потолок,
По теплым гнездам нашим натащим пуху

И спрячем вечером голову под крыло

А я не радуюсь – ветру ночному внемля,
Тревожно думаю и гадаю по звездам,
В какие дали, какие новые земли
Мой путь проляжет – от разоренных гнезд.

От очагов – и гостиных пепел останется,
От теплых спаленок одни руины раскинутся,
И бедной птице вечного нет пристанища,
Гнезда уютного – до гробовой доски.

Мне навсегда по комнатам не остаться,
В каком-то домике, на какой-то окраине,
И бедной птице вечно летать-скитаться
По белым звездам – и далеким мирам.

А я скитаюсь, святую мечту лелею,
А я мечтаю – скитаясь от дома к дому,
В каком-то краешке бесконечной вселенной
Скитальца-птицу ждет родное гнездо,

Что неподвластно вьюжным холодным песням,
Что не разрушит ледяная зима,
И можно вечером, задернувшись занавеской
У очага негаснущего дремать.

Но непогода по-прежнему тучи хмурит,
Мирок уютный развеется без следа,
И снова будут ветры, снега и бури
Ныть за окошком маленького гнезда.

И очагов негаснувших не найти,
Уютных спален – без катастроф и краха,
Скитаюсь в звездах – бесприютной холодной птицей
Ищу гнездо – неподвластное всем ветрам.

Фонарь

На голову мне
Льет дождь проливной, сыпет снег,
Небосвод голубой
Над городом темным сутулится.
Стою без теней,
Дарю я свет, свет
Освещаю собой
Большие дома и улицы.

И в холод, и в снег
Зажигаемся в ранний час,
На зимы карусель
Отвечаем горячим пламенем.
Стоим без теней
И каждый прохожий в нас,
Проходя по шоссе
Наотмашь бросает камень.

Как это больно
Звенеть на потеху всем,
Разлетаться пламенем
На радость игривым детям.
Давненько поняли,

Не вчера стоим на шоссе
Бросают камни
В тех, которые светят.

И мудрые старшие
Мне говорят – не свети,
Советуют мне
Свой свет осторожно спрятать,
А мне – не страшно
И снова без десяти
Сверкаю на снег,
Не слыша, что мне говорят.

Горю, освещаю
Переулок и синий проспект,
Дарю свое пламя
Всем желающим и проходящим,
Еще не знаю,
Кто мой погасит свет,
Ударом камня
И погаснет моя звезда.

Такая судьба
Выпала мне, фонарю,
Стоять и светить
Под безжалостным под обстрелом,

И уже не избавиться

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.